

Раздел 3. Жизненный мир человека в условиях социокультурной трансформации

3.1. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

А.А. КУЗЬМИН

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОНИМАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация:** Статья посвящена поискам наиболее адекватной модели научной рациональности познавательной деятельности в гуманитаристике, которая образует фундамент гуманитарных наук. В статье анализируются два основных проекта реализации в гуманитаристике формы систематической гармонизации жизненного мира человека и динамики культуры: 1) структуралистский проект и 2) герменевтический проект.*

***Abstract:** The author seeks to find the most adequate model of scientific rationality of cognition in Humanitarian knowledge, that serves as a foundation for humanities. The article analyzes two basic projects of implementation of forms of systematic harmonization of human life world and dynamics of culture in the field of humanities: 1) structuralist project and 2) hermeneutic project.*

***Ключевые слова:** структурализм, герменевтика, рефлексия, понимание.*

***Keywords:** structuralism, hermeneutics, reflection, understanding.*

В современной философии сосуществуют разные проекты гуманитарного познания, что связано с поисками наиболее адекватной модели науч-

---

Кузьмин Александр Андреевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории и философии культуры Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород). E-mail: 59aak@mail.ru.

ной рациональности познавательной деятельности. В некоторых из них отрицается сама возможность существования автономных гуманитарных наук, в других — приписываемый гуманитаристике тип рациональности наделяется практически абсолютными познавательными возможностями.

М. Фуко возникновение гуманитарных наук в XIX в. не связывал ни с появлением новых предметностей, ни с результатами применения нового типа методологий к уже известным предметным сферам. Он объяснял такое положение дел базисным значением познавательно-теоретического понятия человека. Это понятие разрушает фундамент гуманитарных наук посредством непреодолимого раскола, который проходит внутри самого человека и делает сомнительным все задуманное предприятие по изучению человека. Конституирование человека в качестве предмета гуманитарных наук парадоксальным образом исключает возможность его полного самопознания. Поскольку квазитрансцендентальные факторы необратимо и неустранимо детерминируют познающее сознание исследователя. Отсюда, естественным образом, напрашиваются выводы о том, что человек никогда не сможет дать полностью позитивную картину представлений о самом себе.

М. Фуко отрицал саму возможность существования самостоятельных гуманитарных наук. Он полагал, что такие методологические конфигурации как «норма и функция», «конфликт и правило», «значение и система» были заимствованы в качестве моделей исследования из биологии, экономики и филологии, т.е. из наук в собственном смысле этого слова. Человек же занимает пространство «сознательно-бессознательного», в котором эти модели уже не могут быть использованы без критической рефлексии. Таким образом, М. Фуко весьма отрицательно относился к возможности полагания и наличия особой предметности для гуманитарных наук. Он определял человека как исчезающий феномен западной культуры, который в силу неустранимого в нем раскола на рациональные и иррациональные компоненты не может стать объектом для научного исследования. Все попытки сконструировать человеческий образ в промежутках между сменами культурно-цивилизационных дискурсов обречены на неудачу.

Однако М. Фуко видит возможность и другого пути концептуализации антропологической диспозиции. А «нельзя ли причислить к гуманитарным наукам также и биологию человека, его физиологию или анатомию мозговых центров языка?»¹ И давая отрицательный ответ на попытки

---

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой / Вступительная статья Н.С. Автономовой. — СПб.: А-сad, 1994. — С. 371.

биологизаторства гуманитарного дискурса, тем не менее, М. Фуко предлагает оставить за гуманитарным проектом право на тематизацию жизни. «Так что, в общем и целом, человек для гуманитарных наук, — пишет М. Фуко, — это не тот живой организм особой формы (с достаточно специфической и в каком-то смысле неповторимой физиологией); это такой живой организм, который изнутри той жизни, которой он всецело принадлежит и которая пронизывает все его существо, строит представления, благодаря которым он живет, из которых он извлекает эту необычную способность — правильно представлять себе жизнь»².

Вместе с тем гуманитарное познание обладает своей собственной рациональностью, которая выражается в рамках его собственных понятий об опыте и разуме. Гуманитаристика, как и всякая наука, имеет дело со структурами, согласно которым только и становится возможен гуманитарный опыт, будь то опыт понимающего сознания, или опыт коммуникативного действия. Соответственно, гуманитарное познание вырабатывает свои собственные формы систематической гармонизации духовных компонентов ментальных процессов. Гносеологическая рациональность, как правило, трактуется в качестве теоретического конструктора для оформления познания всеобщего и обнаружения имманентных связей являющейся действительности.

Совершенная рациональность выступает в роли своего рода недостижимого идеала всевозможных проектов концептуализации онтических смыслов бытия человека. «Быть конечным значит попросту включиться в перспективу, — утверждает М. Фуко, — которая одновременно и позволяет нечто уловить восприятием или пониманием и вместе с тем никогда не позволяет этому схватыванию превратиться в окончательное и всеобщее осознание. Всякое познание укореняется в жизни, обществе, языке, у которых есть история, и в этой самой истории оно находит ту стихию, которая позволяет ему общаться с другими формами жизни, другими типами общества, другими значениями; именно поэтому историцизм всегда предполагает некую философию или по крайней мере методологию живого понимания (в стихии *Lebenswelt*), межчеловеческого общения (на основе социальных организаций) и герменевтики (иначе говоря, схватывания в явном смысле речи ее другого смысла, одновременно и вторичного, и первичного, то есть и более скрытого, и более фундаментального)»³.

Совершенно иная ситуация складывается, если мы начинаем соотносить на первый взгляд взаимоисключающие друг друга процедуры реф-

---

² Там же. — С. 371-372.

³ Там же. — С. 391.

лексии и понимания, одна из которых имеет общенаучное значение, а другая непосредственно связана с гуманитарным типом знания. Согласно трансцендентальной традиции, наряду с предметно-ориентированным мышлением предметом анализа в рефлексии становится и мышление, направленное на само себя. Тем самым создается в качестве дополнения еще один предмет для аналитического мышления. Рефлектирующий субъект отстраненно наблюдает за деятельностью когнитивных процессов и фиксирует объективно идеальную структуру знания и процедур познания.

Согласно герменевтико-экзистенциальной традиции, когнитивные акты непосредственно вплетены в коммуникативные акты, которые уже предполагают присутствие понимающих технологий для обозначения себя и другого, взаимное пересечение оценок и самооценок. А знание интерпретируется как погруженное в контекст межличностного общения и наполненное историко-ситуативным смыслом, что исключает возможность истинного существования надличностного, объективированного знания.

Смыслополагающим функциям рефлексии в традиции понимания противопоставляются смысловывляющие процедуры работы сознания. Тем самым, предшествующие смыслы уже известного нам знания, в том числе и представленные в языковой форме, актуализируются в актах интерпретации и наделяются новыми смысловыми связями благодаря актам межличностного общения и коммуникации. Если традиция рефлексии превращает язык в гипостазированный символ культуры, которым оперируют как уже заранее известным предметом, то в традиции понимания знаково-семиотическая отчужденность языка от необходимости его постоянного движения в сознании преодолевается.

Как вопрос о выявлении различий между этими двумя традициями, так и опыт построения синтетической модели рефлексивных процессов можно поставить в заостренной форме, обратившись к философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Понимание как изначальная форма исполненности человеческого существования, не будучи ни методологическим понятием, ни способом вычленения духовного содержания из знаков и символов культуры, обретает значение бытийственной характеристики человеческой жизни в целом.

Всякая ситуация понимания носит в себе проективный характер и может быть осмыслена лишь как движение трансцендирования, т.е. возвышения постигаемого смысла над сферой сущего. Тем не менее, понимание связано с познанием, и по своему влиянию на духовную жизнь человека оно сравнимо, пожалуй, только с познанием, с тем, что кто-то, описывая процесс получения знания, задним числом может его представить и как процедуру искомой абстракции, знания. Это и будет означать,

что некто в чем-то разобрался. Всякое понимание, базируясь на принципах проекции и цели, ведет в конечном итоге к самопониманию, проецирующему себя на собственные возможности, которые не выводимы ни из какого предшествующего опыта.

Расширяя горизонты проблемы понимания, философская герменевтика отмечает, что принадлежность к традициям так же изначально и существенно содержится в исторической конечности человеческого существования, как испроцированность человека на будущие возможности себя самого. Круговая структура понимания переводит герменевтические задачи в фактическую постановку вопроса. Первым шагом на пути изменения менталитета вовлеченного в круг понимания человека должно послужить требование или условие «понимать» то, что он уже делает. Тот, кто стремится понять текст, другого человека, свои ориентации в мире, должен быть готов их выслушать и предоставить им возможность «говорить».

Герменевтически воспитанное сознание с самого начала должно быть восприимчивым к инаковости себя и другого. Продолжая тему непредсказуемости сознания, которое нерелятивно и невероятно, М. Мамардашвили и А.Пятигорский обращают наше внимание на то, что «проблема расширения сознательной жизни, установки на сознательную жизнь в конечном счете сводится к тому, чтобы настроить себя камертоном как инструментом сознательной жизни, в которой могут случиться какие-то новые сознательные опыты, какие-то новые события.

Одной из посылок такой настройки является отказ от важнейшей установки европейской культуры на сохранение последовательного и постоянного тождества себя с самим собой, установки вечно сохранять и не потерять себя в потоке смены состояний сознания во времени и в их разнообразии в пространстве»⁴. Правда, согласно Х.-Г. Гадамеру, нам всегда следует помнить и о собственной предвзятости, о возможности противопоставления наших собственных предмнений фактической истине инаковости другого.

Пониманием не просто реализуется предвосхищаемое, но и осознается возможность контроля за собственными предвосхищениями. Обретение верного понимания предопределено всегда забегающим вперед движением предпонимания. Как понимание вообще становится возможным, каковы условия, согласно которым оно реализует себя? Одно из первых условий герменевтики — это предметное понимание, т.е. налицо имеется ситуация, когда взаимному обсуждению подлежит одна и та же вещь с

---

⁴ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. — М.: Языки русской культуры, 1997. — С. 105.

позиций полярности близости и чуждости сказываемого о ней. Из промежутка между исторически понятой предметностью и причастностью к традиции образуется «временная дистанция» с ее значением для понимания.

Временное состояние, пребывая в непрестанном движении, фильтрует подлинный смысл предметности, обнаруживаемый в тексте или же раскрываемый коммуникативными актами межличностного общения. Только временная дистанция в состоянии решить перманентную задачу герменевтики – дифференциацию истинных и ложных предрассудков. Понимание берет свое начало с того момента, когда нечто обращается к нам с вопросом или задевает нас до вопросительного недоумения с нашей стороны: а как же это возможно? Сущность вопроса всегда обогащена раскрытостью возможностей, которым суждено оставаться открытыми. Поставленные под вопрос предрассудки только тогда и затрагивают нас своей навязчивой действительностью, заставляют обратиться к герменевтическому опыту.

Итак, основанием для разрыва «заколдованного круга рефлексии» может послужить позиция, исходящая из признания существования конечности человеческого сознания. Объективированные формы когнитивных процессов по своему происхождению являются производными от межличностных коммуникативных актов. Будучи выключенными и обособленными от этих актов, они могут выступать в качестве нормативов и правил для реализации межличностного общения как методологические предпосылки выявления изменяющихся состояний сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224с.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 246 с.